

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ БАСНЯ „РАССКАЗ О ЧЕТВЕРОНОГИХ“ (XIV в.).¹
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЯЗЫК ПАМЯТНИКА**

„Рассказ о четвероногих“ написан в форме басни, служившей автору орудием социальной сатиры. Используя „наивный“ стиль басенного повествования, автор показывает неблагоприятное во внутренней обстановке империи.

Иносказательный смысл произведения раскрывается в кратком вступлении к „Рассказу“:

„ . . . Такого рода (произведения) имеют значение и вес;
уразумей только точно тот смысл, который они скрывают:
когда народы, чрезмерно уверенные в том, что [своей] силой
они нас совершенно погубят,
заключают с нами лживый мир,
нас спасает справедливость и правдивость клятвы,
ибо бог как общий судия дает благословение“.

После этого начинается изложение сюжета басни, прерываемое диалогами и монологами героев, так что лицо, от имени которого ведется повествование автора-баснописца, отодвигается на второй план: рассказчик появляется снова только в конце басни. Описывая сцену сражения между мирными и кровожадными зверями, он заключает „Рассказ“ словами, полными глубокого смысла:

„Царь не спасается великой силой,
и великан не будет спасен полнотой телесной мощи“.
„С того времени до настоящего, вспыхнувшее среди всех
четвероногих, малых и больших, сражение
не прекращается и продолжает существовать во все века“.

Рассматривая художественные особенности памятника, нетрудно заметить, что по характеру своих выразительных приемов автор его ориентируется на классический греческий эпос (главным образом, Гомера).

К числу традиционно-эпических художественных средств относятся широко применяемые в „Рассказе“ постоянно повторяющиеся формулы, сложные эпитеты, самовосхваления героев и поношение ими противника. Отсюда — замедленность действия басни, своеобразная „обстоятельность“ изложения.

¹ Перевод этого памятника и комментарии к нему см. ВВ, т. IX, стр. 221—249.

Шаблонные формулы — излюбленный прием эпического повествования. Установлено, например, что третью часть всей „Илиады“ и „Одиссеи“ составляют стихи, повторяющиеся полностью или — с небольшими отклонениями¹.

Автор „Рассказа о четвероногих“ прибегает к повторению одних и тех же фраз во всех случаях, когда ему нужно сказать о появлении или уходе того или иного басенного героя. В первом случае он пользуется выражениями: ἐστάθην εἰς τὸ μέσον — „встал (встала) на середину“ (стихи 122, 183, 647, 663, 831, 904, 934), ἐξέβη (ἐξῆλθε) καὶ ἔστη (ἐστάθηκε) εἰς τὸ μέσον — „вышел и встал на середину“ (стихи 420, 548, 778, 810). Во втором: φεύγει ἀπὸ τὴν μέσην (τὸ μέσον) — „бежит со середины“ (стихи 194, 807, 976), ἀπῆλθεν καὶ ἐστάθηκε εἰς τὸ στασιδίον του — „ушла и встала на свое место“ (стих 180 и с некоторым отклонением стих 520), „вышел и занял свое место вместе с собранием“ — ἐξῆλθεν καὶ ἐστάθηκεν μετὰ τοῦ συνεδρίου (стих 195 и с некоторым отклонением стих 658).

Постоянно повторяются такие слова, как κακότηχος, ἄτυχος, μιᾶρός в значении „несчастный“. Постоянными эпитетами в „Рассказе“ являются: „кровожадные и мерзкие“ звери — αἰμοβόρα καὶ βδελυκτά (стихи 16, 96, 989, 1033, 1038), „чистые и полезные“ — τὰ καθάρὰ καὶ εὐχρηστα (стихи 15, 32, 39, 62, 96, 990, 1040, 1041).

Как и в поэмах Гомера, эпитеты рассматриваемого памятника, большей частью, многосложные. По способу образования — это сложные прилагательные, состоящие из двух-трех компонентов. Для внешней характеристики царя Льва, например, употреблены два эпитета: „страшноглазый“ — ἀγριόφθαλμος и „имеющий хвост в виде спирали“, „извилистый хвост“ — γακλαδώραδάτος. Волк назван „ночным бродягой“ — ὁ νυκτοβραδιστής и „кровопийцей“ — ὁ αἰματοπότης; лиса — „душительница кур“ — ἡ ὀρνιδοπνίκτη; мышь — „лизоблюд“ — τζουκαλογλύφος; осел, постоянно подвергающийся побоям, — ὁ πολυρράβδης — „многобитый“.

Самовосхваления и поношения противника занимают ведущее место среди традиционно-художественных средств, используемых автором басни. Это старый прием эпических произведений классической литературы, в частности, эпоса Гомера. В „Рассказе“ каждый из выступающих на собрании зверей обычно возводит хулу на своего противника и представляет себя в более выгодном свете². Собака обвиняет Лису в том, что

„она, негоднейшая, одних ест, у других пьет кровь
и причиняет большое зло и еще больший убыток
и бесконечную несправедливость бедным людям“.

(стихи 191 слл.)

Собака смеется над ученостью Лисы и считает, что лучше всего

„стащить с тебя (Лисы) шкуру, вытянуть хвост,
и отдать это на сукновальню меховщику:
пусть тебя обработают негашеной известью и обожгут квасцами, —
забудешь свою высокую философию!“

(стихи 210 слл.)

¹ И. М. Тронский. История античной литературы, Л., 1946, стр. 55.

² Стихи 130 слл., 153 слл., 160 слл., 177 слл., 285 слл., 293 слл., 322 слл., 337 слл., 340 слл., 360 слл., 436 слл., 443 слл., 474 слл., 525 слл., 530 слл., 537 слл., 572 слл., 612 слл., 681 слл., 691 слл., 753 слл., 757 слл., 783 слл., 795 слл., 833 слл., 906 слл.

С презрением отмечая, что Лиса проводит свою жизнь в норе и не видит оттуда ни дня, ни солнца, выходит лишь по ночам и постоянно пребывает в страхе, Собака с гордостью говорит:

„Я же воспитываюсь среди людей,
в царских домах, при королевских дворах
и в [домах] знатных рыцарей, больших охотников; . . .
меня держат [при себе], и гладят, и нежат“.

(стихи 249 слл.)

Лиса, немало не смутившись оскорблениями Собаки, говорит:

„Тебя называют Собакой, поистине ты и есть собака —
твое поведение соответствует твоему имени“

(стихи 200 слл.)

Незаслужено хвастовство Собаки, считает Лиса, и напрасно „...чванишься ты сильно и хвастаешься много“ (стих 236), — заявляет она ей. Когда хвастовство Собаки переходит всякие границы, Лиса прерывает ее: „Достаточно с тебя, Собака, вздорный, поганый лжец“ (стих 263). Очень характерен также разговор пантеры и леопарда, оспаривающих свое первенство (стихи 860 слл.).

Следует отметить, что в „Рассказе о четвероногих“ нет сложных гомеровских сравнений; вообще автор басни очень редко пользуется сравнениями, — в противоположность поэмам Гомера и другим произведениям античного эпоса. Достаточно сказать, что в „Рассказе“ всего одиннадцать сравнений: стихи 231, 333, 365 сл., 369 сл., 445, 575 сл., 800, 906 сл., 933, 939, 957. Среди них встречаются традиционно-эпические сравнения — с солнцем, звездами, луной.

„Как солнце никогда несравнимо со звездами. . . ,
так мое мясо не сравнится с вашим“, —

говорит Свинья Оленю и Зайцу (стихи 365 слл.). Или:

„. . . я — солнце, — заявляет Бык, — Буйвол — луна.
Вы, бедные, — как крошечные звезды,
несчастны и презренны“

(стихи 575 слл.)

Однако встречается сравнение и нового типа, свидетельствующее о том, что автор — христианин по мировоззрению: бег трусливого зайца сравнивается с бегством черта от ладана (стих 333).

Автор греческой басни широко привлекает большой материал бытового характера, благодаря чему читатель, между прочим, получает возможность ознакомиться с массой деталей, касающихся различных видов производства.

Как бы в подтверждение дошедших до нас вещественных памятников мы узнаем из „Рассказа“, что слоновая кость идет на изготовление царских лож, тронов властителей, кресел патриархов; из нее вытачивают шахматы,

„делают ручки для больших ножей,
а равно и для маленьких, весьма украшенных,
весьма красивые гребни, которые скрепляются золотом,
и еще серебром, украшенные смарагдами. . .
делают также и зеркала, которые называются кадрептаи“

(стихи 923 слл.)

Бараньим рогом пользуются „ремесленники, изготовители мечей, кинжалов и ручек для шил“ (стихи 481 сл.). Из овечьей шерсти, в зависимости от способа ее обработки, изготавливают ковры, одежду, войлочные изделия (стихи 481—512). Благодаря окраске шерсти в разные цвета получают замечательно вышитые занавеси, весьма красочно оформленные ковры, различной расцветки ткани. По цвету одежды можно даже определить общественное положение ее обладателей:

„Цари, знатные люди и все вельможи
носят желтого и красного цвета одежды,
другие, нижестоящие, — всякой окраски и цвета“.

(стихи 500 сл.)

В стихе 513 и следующих говорится о ценности овечьей шкуры:

„Сапожнику она служит для всякой его работы:
для башмаков, сандалий, туфель. . .
. . . грамматики одевают книги
в черную, красную или другого цвета [кожу],
часто и седельщик пользуется ею
для седел, для шитья нагрудных и задних ремней,
для узды с недоуздом и тому подобного“

(стихи 513 сл.)

У свиньи весьма ценным является щетина: художник делает из нее кисточки для росписей; „сапожник, седельщик и шиватель кож

никоим образом не могут сделать хотя бы один стежок
без того, чтобы не воспользоваться моими волосами. . .“

(стихи 389 сл.)

Клыкком „пользуются грамматики и все шляпочники: выглаживают им и шапочки, выглаживают и бумагу“ (стихи 403 сл.). Шкуру оленя используют на шнуры, пояса, из нее делают также мешочки, в которых носят трут для разжигания огня (стихи 343 сл.). Медвежье сало — хорошее лекарство при ревматизме. Оно входит также в состав различных целительных мазей (стихи 851 сл.). Шкура пантеры идет „на кресла и подлокотники, на подушки и подстилки на ложа“ (стихи 880 сл.). Теплая заячья шкурка — хорошее средство защиты от холода, богатые люди носят одежду на меховой подкладке (стихи 303 сл.). Шкура идет также на шапочки, которые носит „всякий важный человек: и врач, и богатый торговец“ (стихи 302 сл.). С помощью заячьей лапки золотых дел мастер собирает отдельные крупинки золота и серебра (стихи 310 сл.). Из козьей шерсти плетут крепкие, очень прочные веревки (стихи 532 сл.). Из рогов буйвола делают пастушьи и походные рожки (стихи 605 сл.).

Интересные сведения дают также стихи 210 сл., 295 сл., 370 сл., 384 сл., 597 сл., 617 сл., 623 сл., 638 сл., 667 сл., 759 сл., 794 сл., 909 сл., 955 сл.

Широкое привлечение автором фактов такого рода сообщало басне реалистически бытовой колорит, который делал ее легко доступной для понимания.

По характеру языка, которым написан „Рассказ о четвероногих“, это произведение является памятником народной литературы; ее отличительными чертами являются преобладание новогреческой лексики и морфологии, а также пестрый, смешанный характер языка (т. е. наличие классических греческих форм рядом с новогреческими) и следы иноязычных влияний.

Как отмечал в свое время крупный греческий филолог Г. Хаджидакис¹, в письменных памятниках, начиная с XI в., шла борьба за существование между старыми и новыми элементами языка; с течением времени эта борьба принимала все более острую форму. Весьма ощутимым было различие между народным, живым, разговорным языком и языком письменным, книжным.

Борьба старых и новых форм, слов и конструкций не исключала и их сосуществования².

Смешанный характер языка анализируемого памятника можно подтвердить рядом примеров:

Стих 52: *σὺν τὸ ἀγρίμῳ*. Здесь вместо новогреческого предлога *μέ, μετά* с народным словом *τὸ ἀγρίμῳ* сочетается книжный предлог *σὺν*, требующий дательного падежа. Однако *τὸ ἀγρίμῳ* стоит в винительном падеже, который является единственно возможным при соединении с новогреческим предлогом.

Стихи 53, 521, 577, 1045: *ἡ αἰῖγα* — „коза“. Это — народное слово; наряду с ним в басне употребляется и древнегреческая форма: *αἰῖς, -γός, ἡ*, в стихе 547 *αἰγός* — родительный падеж.

Стих 46: *νά ἴδωσιν*. *Νά* — подчинительный новогреческий союз „с тем, чтобы; чтобы“ соединен с 3-м лицом множ. числа древнегреческого конъюнктива аориста от глагола *ὀράω* — *ἴδωσιν*. В данном контексте *νά* + конъюнктив употребляется в значении инфинитива. В новогреческом языке категории неопределенного наклонения нет, но инфинитив может заменяться сочетанием *νά* + конъюнктив.

Ряд союзов и наречий древнегреческого языка сосуществует с союзами и наречиями новогреческого языка. Так, *γάρ* (вместо *διότι, διατί*), *οὖν* — древнегреческие союзы и новогреческие — *νά, ὥστε* (в значении: „до тех пор, пока“), *ὅταν* (временной союз). Новогреческие наречия: *ἀντάμα, πάντα* (вместо *πάντοτε*), *ἔδα*. Сюда же относится употребление несклоняемого *ὅπου* вместо относительного местоимения. *Ἀντάμα, πάντα, πάλιν, ὅπου, ὅταν* принадлежат чисто народному языку³.

Стих 429. Наряду с двумя греческими формами *ἡ ἀλώπηξ* (стих 314) (древнегреч.) и *ἡ ἀλεπού* (стихи 188, 196) (новогреч.) можно наблюдать также использование автором увеличительной формы греческого слова *ἀλώπηξ*, снабженного итальянским суффиксом *ουτσα* — *ἀλωπούτσα*.

Стих 606: *κέρατοβούκινον*. Это — сложное слово, в состав которого входят: *κέρατον*, *τὸ* (исконно греческое слово) — „рог“ и слово *βουκινον*, *τὸ*, имеющее то же значение. По предположению Триандафилидиса⁴, слово *βούκινον* перешло из греческого языка в латинский, а затем, как латинское заимствование, вернулось в греческий язык.

Одной из особенностей средневекового греческого стихосложения, как это отметил С. Шестаков в работе „Язык „Эротокрита“, со стороны его лексического состава“ является образование отдельного целого стиха путем включения в него, рядом с заимствованным словом, его греческого синонима. Пример этого можно найти в стихе 64 „Рассказа о четвероногих“: *εἰς κάμπον ὠραιότατον, εἰς ὀμαλιὰν μεγάλην* (текст Вагнера),

¹ G. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892, Excurs III, S. 234—284.

² G. Hatzidakis. Kritische Bemerkungen zu einigen mittelgriechischen Autoren. BZ, Bd. I, S. 100.

³ С. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение „Ἀφήγησις παράξενος“. Одесса, 1896, стр. 122.

⁴ M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärlitteratur. Strassburg, 1909, S. 168.

где наряду с греческим словом *ὀμλίχ* употреблено латинское слово *sampus*, в том же значении: „равнина“.

В „Рассказе“ встречаются слова и выражения, взятые из живого народного языка: в стихе 143 — слово *δαμίν* („немножко“). Это — наречие, которое восходит к уменьшительной форме существительного *δαγμίον* от *δαγμός* (*δαγμάνω*, *δάκνω* — „кусать“). Средневековая греческая форма звучит как *δαγμίν*, но затем гамма исчезает перед *μ* и остается *δαμίν*. В своем ударении *δαμίν* следует той закономерности, согласно которой уменьшительные слова дактилического размера (— ∪ ∪) имеют ударение всегда на последнем слоге, предшествующем окончанию *ον*: *δαγμίον* (*δαγμίν*).

В стихе 1063 употреблено новогреческое выражение: *καὶ εἰς τὰ δύο μέρη* — „обе части“.

Ниже приводятся и другие, взятые из текста „Рассказа“ слова новогреческого языка, употребляющиеся в современном разговорном языке (*ἢ δημοτικῆ*)¹.

<i>ἀδελφοποι(η)τός, ὁ</i>	— брат, названный брат	(стих 434)
<i>ἀλεῦρι, τό</i>	— мука	(стих 445)
<i>ἄσπρος, 3</i>	— белый	(стих 509)
<i>ἀπομεινάρι(ον), τό</i>	— остаток	(стих 510)
<i>ἀφήνω(ἀφίνω)</i>	— оставлять	(стих 610)
<i>ἄλογον, τό</i>	— лошадь	(стихи 659, 742)
<i>αὐτί, τό</i>	— ухо	(стихи 328, 678)
<i>ἀνάσκελα</i>	— нар. навзничь	(стих 952)
<i>ἄχλαδι, τό</i>	— груша	(стих 847)
<i>ἀρματώνω</i>	— вооружать	(стих 911)
<i>ἀκουμβῶ</i>	— опираться	(стих 948)
<i>ἀπάνω</i>	— нар. наверху	(стих 128)
<i>βαστῶ</i>	— держать	(стих 1039)
<i>βάνω</i>	— ставить, класть	(стихи 679, 695, 784)
<i>βοῦρκος, ὁ</i>	— грязь, болото	(стих 448)
<i>βυζί, τό</i>	— сосок	(стих 469)
<i>βάφω</i>	— красить	(стих 485)
<i>βουβάλι, τό</i>	— буйвол	(стих 544)
<i>βῶδι, τό</i>	— бык	(стихи 591, 1027)
<i>γκάρισμα, τό</i>	— ослиный крик	(стих 716)
<i>γδέρνω</i>	— сдирать шкуру	(стихи 787, 793)
<i>γέλ(ο)ιον, τό</i>	— посмешище, смех	(стих 681)
<i>γούνα, ἡ</i>	— мех, шуба	(стих 177)
<i>γουνάρᾱς и γουνάρης, ὁ</i>	— меховщик, скорняк	(стих 211)
<i>δείχνω</i>	— показывать	(стих 1063)
<i>δέρνω, δέρω</i>	— бить, пороть	(стих 785)
<i>ἐβγαίνω, βγαίνω</i>	— выходить	(стихи 148, 244, 572 и др.)
<i>ἐδικός, 3</i>	— собственный	(стих 342)
<i>ζωνάρι, τό</i>	— пояс	(стих 344)
<i>ἴσκιος, ὁ</i>	— тень, отражение	(стих 929)
<i>κοῦτσα, ἡ</i>	— хромота	(стих 435)
<i>κουνῶ</i>	— трясти, качать	(стих 470)
<i>καλαμαράς, ὁ</i>	— шелкопер, писака	(стих 615)
<i>καλαμάρι, τό</i>	— чернильница	(стих 616)

¹ Принадлежность этих слов к разговорному современному языку можно проследить по новогреческому словарю А. Иоаннидис (М., 1950). Не исключена возможность расширения приведенного списка слов.

κλαδί, τό	— ветвь, ветка	(стих 332)
κεντιά, ἡ	— укол	(стих 390)
κριθάρι, τό	— ячмень	(стих 667)
κρασί, τό	— вино	(стих 669)
κουβχλω	— носить, переносить	(стих 670)
κουρούνα, ἡ	— ворона	(стих 684)
κοντά	— нар. близ, у	(стих 708)
κανακεύω	— ласкать	(стих 754)
κουδοῦνι, τό	— колокольчик	(стих 763)
κόνιδα, ἡ	— гнида	(стих 972)
κέρατο, τό	— рог	(стих 1021)
κοπέλα, ἡ	— девушка, горничная	(стих 867)
κάθε	— каждый	(стих 840)
κυρά, ἡ	— госпожа	(стих 204)
κοντός, 3	— короткий	(стихи 797, 844)
κάμνω	— делать	(стих 440)
κεγχρί, τό	— просо	(стих 167)
κοῦπα, ἡ	— чашка, стакан	(стих 300)
κρύφα	— нар. тайно, тайком	(стих 162)
κου(κ)κιά, ἡ	— бобы	(стих 167)
λιβάδι, τό	— луг	(стих 791)
λουρί, τό	— ремень	(стих 641)
λάδι, τό	— масло	(стих 669)
μυρωδιά, ἡ	— обоняние, запах	(стих 383)
μετάξι, τό	— шелк	(стих 762)
μπροστά	— нар. перед, вперед	(стих 747)
μελίγγι, τό	— висок	(стих 895)
μουστάκι, τό	— усы	(стих 127)
μύτη, ἡ	— нос	(стихи 127, 447, 936)
νερό, τό	— вода	(стихи 243, 670, 685)
νοστιμάδα, ἡ	— приятный вкус	(стих 364)
παστός, 3	— соленый	(стих 374)
πιθάρι, τό	— горшок	(стих 376)
παραγεμίζω	— переполнять	(стих 380)
πλουμιζώ	— украшать, вышивать	(стихи 400, 489, 926)
ποδάρι, τό	— ножка	(стихи 310, 748)
πανηγύρι, τό	— торжество, празднество	(стих 765)
παστρεύω	— чистить	(стих 766)
παίρνω	— брать	(стих 967)
παιγνίδι, τό	— игра	(стих 921)
πουλάρι, τό	— жеребенок	(стих 816)
παράμερα	— нар. в стороне	(стихи 238, 328)
πιάνω	— брать, хватать	(стихи 165, 290)
πετσί, τό	— кожа, шкура	(стихи 580, 638)
ράχη, ἡ	— спина	(стих 797)
ρουθοῦνι, τό	— ноздря	(стих 651)
ραβδί, τό	— палка, прут	(стих 170)
σηκώνω	— поднимать, задирать	(стих 355)
σταμνί, τό	— кувшин	(стих 376)
στέλω, στέκομαι	— стоять	(стихи 686, 945)
σκουτέλλι, τό	— блюдо, миска	(стихи 299, 620)
σαγίττα ἡ	— стрела	(стих 625)
σαμαρᾶς, ὁ	— седельщик	(стих 626)
σαμάρι, τό	— вьючное седло	(стих 683)

σκοτώνω	— убивать	(стихи 234, 956)
στραβός, 3	— кривой	(стих 845)
τυρί, τό	— сыр	(стих 130)
τσακίζω	— разламывать	(стих 749)
ταγίζω	— кормить	(стихи 160, 744)
τιποτένιος, α, ο	— незначительный	(стих 551)
τίποτε, τίποτες	— нечто, ничего	(стихи 221, 331, 569, 737, 836)
φάβα, ή	— бобовое растение	(стих 668)
φείδι, φίδι, τό	— змея	(стих 52)
φοράδα, ή	— кобыла	(стих 819)
χλιμιντρώ	— ржать	(стих 663)
χρυσάφι, τό	— золото	(стих 312)
ψωμί, τό	— хлеб	(стихи 130, 336)
ψέμμα, τό	— ложь	(стихи 649, 958)
ψείρα, ή	— вошь	(стих 972)
ψοφῶ	— издыхать, околевать	(стих 792)

Следует отметить также, что в тексте встречаются порой такие языковые формы, которые находят свое объяснение лишь в особенностях новогреческого языка.

Так, употребление в стихе 69 (в чтении всех рукописей) формы 3 лица множ. числа пассивного аориста; ἀπηλογήθησαν — „ответили“ — само по себе непонятно. Однако наличие этой пассивной формы объясняется тем, что отложительные глаголы с раннего времени составили в новогреческом языке общую с пассивом морфологическую систему, в которой уже не было медиальной формы¹.

Особенностями новогреческого языка объясняется также наличие в стихе 740 аугмента в слове ἀπηλογεῖται, представляющем собой форму 3 лица ед. числа настоящего времени: аугмент прошедшего времени переходит на форму настоящего и будущего времени составных глаголов. Это явление проходит через все средневековье и получает еще большее распространение в новое время².

Глагол τυφλώνω — „ослеплять“, употребляемый в стихе 785, является одним из примеров встречающегося в тексте перехода контрактных глаголов древнегреческого языка на οω в глаголы на οω в новогреческом языке.

В составе эмоционально-экспрессивной лексики „Рассказа“ можно встретить: слова со значением уменьшительности или ласкательности, например, в стихе 782: ἀλογάκιν — „лошаденка“, в стихе 576: μικρούτσικα ἄστρα — „крошечные звезды“; в стихе 591: βωδάκι — „бычок“ и др.; слова, выражающие пренебрежение, как κακός, ταπεινός, ἄτυχος, μικρός, κακότυχος со значением „несчастный“ (стихи 162, 174, 296, 456 и др.). Особенно часто употребляются грубые и бранные слова: τζουκαλογλύφε — „лизоблюд“ (стих 130), βρωμομυζάρρα — „сопливая вонючка“ (стих 414), μωρόχολον — „пустомеля“ (стих 525), „отвратный“ (стих 136), „поганый лжец“ (стих 263), „гнусный, мерзкий“ (стих 159), „куцехвостый“ (стих 353), „сквернозубый“ (стихи 326, 425) и т. д.

Лексика „Рассказа о четвероногих“ отличается большим количеством заимствований³, главным образом романских.

¹ См. G. Hatzidakis. Einleitung..., S. 193.

² Ibid., S. 62—71.

³ О заимствовании см. работы: G. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892; Ego же. Μεσαιωνικά και Νέα Έλληνικά, t. I, 1905; t. II, 1907; M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärlitteratur. Strassburg, 1909; G. Meyer. Neugriechische Studien, SBAW. Wien, Bd. 130, 1893, Bd. 132, 1895.

К числу заимствований относятся следующие слова:

- ἡ μαίμου — „обезьяна“ (стих 37). Слово арабского происхождения. См. A. Thumb, Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Strassburg, 1895, S. 8; Fr. Miklosisch. Die türkische Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprache. „Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, philos.—hist. Kl., Bd. XXXV, Wien, 1885, S. 122; J. Perles. Jüdisch—byzantinische Beziehungen. BZ, Bd. II (1893) S. 577.
- λαγγάδι — „долина, луг“ (стих 104). Славянское заимствование (G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 37).
- μαχαρίζω — „поганить, марать“ (стих 163, см. также 215, 273). Слово арабского происхождения. См. П. В. Ернштедт. „Этимология новогреческого глагола μαχαρίζω“. Вопросы языкознания, 1952, № 1, стр. 120—132.
- ματζούκα — „дубинка, палица“ (ст. 170). Слово романского происхождения (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter. . ., S. 145; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, VI, S. 50—51). Среднелат. mateo, mateola, махуса. Итал. — mazza, франц. massue. Как указал нам В. Ф. Шишмарев, исходной формой романских слов являлось вульгарнолатинское слово mattiusa, напоминающее по суффиксу carruca (фр. charrue — „плуг“). Может быть, предполагает В. Ф. Шишмарев, в латынь это слово проникло из Галлии?! В греческий язык оно могло попасть и из поздней латыни.
- Слово ματζούκα является компонентом слов μεγαλοματσουκάτος в стихе 650, ματσοуκοκοπῶ или ματσοκοκοπῶ в стихе 674.
- κοπροζάγαρος — „гончая собака“ (стих 415). Ζάγαρι — арабское sakar, турецкое zagar. См. M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter. . ., S. 145; Fr. Miklosisch. Die türkische Elemente. . ., S. 186.
- σουβλομανικάδες (стих 481). Это сложное слово, состоящее из двух слов, заимствованных из латинского языка: σουβλα — subula — „шило“ и μάνικα — manica — „рука“ (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter. . . S. 122). Слово μάνικα встречается также в стихах 482, 923 (μαχαρομάνικα).
- σουλτάνος — „султан“ (стих 494) и ἀμνηάς „эмир“ (стих 494) являются словами арабского происхождения.
- σκαρλάτα — „красный“ (стих 501). Слово итальянского происхождения: scarlatto (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter, S. 141). К. Диттерих в рецензии на словарь Мейера-Любке (W. Meyer—Lübke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911), помещенной в BZ, XXVII (1927), S. 118, утверждает, что „этимологически неясное scarlatt (№ 7661) пришло через среднегреческий medium (σκαρλάτος) и, вероятно, оттуда достигло романского языка“.
- κέντουκλον (стих 511). Латинское заимствование: centuculum — „шерсть, войлок“. M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter. . ., S. 121; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, S. 30.
- καππάσιον (стих 512). Слово латинского происхождения: capra — „шапка, головной убор“. G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 26.
- μαχλαβοκοπῶ, μακλαβοκοπῶ — „бить ремнем“ (стих 636). Слово восходит к латинскому manuclavium — „ремень“ (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter. . ., S. 124; G. Meyer. Neugriechische Studien, Bd. 132, S. 40).

- βέρα — „ветвь“ (стих 679). Слово латинского происхождения: βέρα — verga (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter..., S. 119).
- κουβερτωμένον, κουβερτιασμένον (стих 764). Это причастие от гл. κουβερτώνω, κουβερτιάζω — „покрывать“. В основе глагола лежит слово κουβέρτα — „покрышка“, „покров“, имеющее романское происхождение (M. Triandaphyllidis. Die Lehnwörter..., S. 26, 135), итал. coperta, couverte. В словаре Мейера-Любке, стр. 174: итал. copercchio, фр. couvercle.
- βίτσα — „ветвь, прут“ (стих 785). По мнению Триандафиллидиса (Die Lehnwörter..., S. 144), это — балкано-романское заимствование; vitā, vitis, vitea. Г. Мейер (Neugriechische Studien, Bd. 130, S. 18) считает его славянским заимствованием: болг. вица, румынское vită.

К числу латинских заимствований относятся такие слова, как χαρτί — „бумага“ (стих 56), πουλιά — „птенец, цыпленок“ (стих 189), ρήξ, ὁ или ρήγας — „король“ (стих 297), ἀζούγγιν — „сало“ (стих 852), κάστρη — „укрепление“, „крепость“ (стих 909), σελλίον — „кресло“ (стих 915) и целый ряд других слов, встречающихся в тексте.

Словами восточного происхождения являются: βαμβάκι — „вата“, „хлопок“ (стих 536), γάδαρος — „осел“ (стих 644), κρημιζί — „красный“ (стих 762), ἀναχαράς или νάχαρα — „литавры“ (стих 1043) и др.

Проследить время и пути проникновения в греческий язык слов, заимствованных как с Запада, так и с Востока, — решение этого вопроса имеет большое значение для датировки „Рассказа о четвероногих“, — не удалось. В специальной литературе, включая сюда и этимологические словари, не указывается зачастую даже время появления того или иного слова в родном, книжном или разговорном языке (с последним дело обстоит особенно трудно). Тем более сложно отыскать указание на время заимствования слова другими языками.

Из большого числа слов романского происхождения можно остановиться только на одном слове, а именно broz — „щетка“, от которого образовался греческий глагол βουρτζίζω — „чистить щеткой“. Известно, что впервые это слово broz зафиксировано в литературном памятнике „Роман о белой розе“ в XII в.¹ Можно предполагать, что это слово проникло в греческий литературный язык после XII в. Такая гипотеза в случае ее подтверждения могла бы служить в качестве одного из аргументов для датировки „Рассказа“ поздним временем. Однако нельзя сбрасывать со счетов, во-первых, то, что слово могло существовать во французском языке ранее времени его фиксации в литературном памятнике XII в., а, во-вторых, то, что оно могло проникнуть в греческий язык в процессе устного общения.

К сожалению, слова восточного происхождения (арабские, персидские, турецкие) не могут также ничего дать для определения времени их включения в основной словарный фонд памятника и, следовательно, не могут быть использованы для датировки басни.

Таким образом, изучение художественных средств и языка „Рассказа о четвероногих“ показывает, что это произведение представляет собой памятник эпоса особого типа, в котором своеобразно сочетаются тенденции „старого“ и „нового“, а именно: своими образительными средствами он как бы следует образцам классического греческого эпоса,

¹ В изысканиях относительно указанного слова, как и в работе над другими словами романского происхождения, большая помощь нам была оказана В. Ф. Шишма-

между тем, как реалистически живая лексика народного памятника сообщает ему новые (по сравнению с „традиционным“ эпосом) черты.

Следует заметить, что буржуазные исследователи не поняли этого своеобразия „Рассказа“, а его равняющаяся на старый эпос „техника“ (в смысле совокупности выразительных средств) рассматривалась, в частности Ш. Гиделем¹, как проявление беспомощности народного автора, не умеющего разнообразить свой рассказ, растягивающего его и т. д.

Народный характер басенного сюжета „Рассказа“, его язык, также свидетельствующий о народной основе этого памятника, позволяет предполагать, что басня не могла быть достоянием узкого литературного круга, что она несомненно имела значительное распространение в широких кругах читателей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ „РАССКАЗА О ЧЕТВЕРОНОГИХ“

„Рассказ о четвероногих“ относится к числу анонимных произведений. История византийской литературы, подобно литературам других стран эпохи средневековья, знает целый ряд анонимных памятников, написанных в разных жанрах. При этом для определенных хронологических периодов характерны и определенные жанры: можно заметить, например, что в X в. появляется большое число компилятивных сборников и энциклопедий (исторических, медицинских, сельскохозяйственных и т. д.), трактатов, антологий, словарей; в XIII—XIV вв. — многочисленные анонимные греческие романы: „Бельгандр и Хрисанца“, „Либистр и Родамна“, „Каллимах и Хризороя“ и другие. По справедливому замечанию Г. Хаджидакиса, „мы часто находимся в неведении относительно родины, времени, различных обстоятельств, даже имени средневекового автора“². В известной степени это верно и по отношению к интересующему нас памятнику.

Что касается места возникновения „Рассказа“, то единственным исследователем этого вопроса явился греческий ученый С. Ксантудидис, автор работы «Поправки и толкования к „Шуточному рассказу о четвероногих“»³. Считая, что „Рассказ“ возник на Крите, он в подтверждение этого приводит слова критского происхождения, местные идиоматические выражения, а также ссылается на стихи, где дается описание якобы критских обычаев.

Ознакомление с рукописями „Рассказа“ показывает, что С. Ксантудидис строит лингвистические доказательства в пользу критского происхождения памятника на данных одной только Парижской рукописи, действительно сохранившей критский идиоматический элемент, который, однако, неизвестен другим спискам. Представляется весьма вероятным, что Парижская рукопись была написана, если не на Крите, то, во всяком случае, писцом, хорошо знакомым с критским диалектом.

Но происхождение рукописи — это одно, а происхождение самого памятника — совсем иное. Нельзя забывать, что кроме Парижского списка имеются еще три других — Ленинградский, Венский и Лесбосский, дающие другое чтение и восходящие к другой рукописной редакции.

Хотя мы и не останавливаемся на вопросе о том, какая из рукописных ветвей древнее, однако интересно заметить, что в Парижском списке встречаются модернизованные формы, как, например, в стихе 319

¹ Ch. Gidel. *Études sur la littérature grecque moderne*. Paris, 1866.

² G. Hatzidakis. *Kritische Bemerkungen zu einigen mittelgriechischen Autoren* BZ, Bd. I, S. 100.

³ *Διορθώσεις καὶ ἐρμηνεῖαι εἰς Διήγησιν παιδιόφραστων τῶν τετραπόδων ζώων*. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. V, Athen, 1926, S. 348—370.

слово ἀνετήρητος, ведущее свое происхождение от слова ἀναντίρητος, представленного Ленинградской, Венской, Лесбосской рукописями, или в стихе 688, где С. Ксантуридидис предлагает чтение δοῦδ:ι вместо διδει. Δοῦδω — критская форма, бытующая и до последнего времени, но из истории развития языка известно, что это — вторичная форма, — первоначальной является форма διδω.

В своем увлечении критским элементом С. Ксантуридидис под предлогом „исправления“ или „улучшения“ чтения стиха часто предлагает ничем не обоснованную замену слов и выражений. Приведем несколько примеров.

Стих 1028: καὶ τὸ ἰδὼν ὁ βουβάλος ἐσέβην εἰς τὴν μέσσην (текст Вагнера). — „И, увидя это, Бык вошел в середину“ — С. Ксантуридидис предлагает заменить τὸ ἰδὼν критской формой τὸ ἰδεῖν, хотя в предпочтении последней нет необходимости.

Стих 696: διὰ τ'ἀπανωγόμεα ποῦ βάνουιν εἰς τὴν μέσσην (Вагнер) „сверхпоклажу, которую кладут на середину“ — С. Ксантуридидис говорит о существовании в Парижской рукописи критского слова ἀπανωμίγομα, означющего третью часть груза, положенного наверх между двумя другими частями (ἡ)μιγομίωιν, и предлагает заменить им слово ἀπανωγόμεα, представленное Ленинградской, Венской, Лесбосской рукописями. Никакой надобности в замене не видим, так как ἀπανωγόμεα — хорошо объяснимое слово, которое означает „сверхпоклажа“, „сверхноша“.

В стихе 768 ἄγωμαι μὲ τὴν κάμηλον τὴν μακροσφονδύλαττην (Вагнер). — „Меня ведут с длиннопозвоночным Верблюдом“ — С. Ксантуридидис предлагает читать ἄγωμε, что придает фразе совершенно иной, не вяжущийся с контекстом смысл; простое повествование заменяется императивной формой: „пойдем с длиннопозвоночным Верблюдом“.

В ряде других мест критские „поправки“ С. Ксантуридидиса также совершенно необоснованы. Так, например, обстоит дело в стихе 362: καὶ ψεύδεσθε, κομπόνεσθε τοὺς ἀκούοντας πάντας (Вагнер). — „И вы лжете, обманываете всех слушающих“. Окончание глагола κομπόνεσθε определяется предшествующим глаголом. Правильная активная форма представлена Лесбосской рукописью — κομπόνετε, и исправление на κομπούνετε, предложенное С. Ксантуридидисом, неуместно. Стих 736: καὶ ὅταν χατοῦρήσετε, κύπτεσθε καὶ ὀσμᾶσθε.

„И когда вы мочитесь, наклоняетесь и нюхаете“. Предложенная С. Ксантуридидисом вместо κύπτεσθε критская форма σκύπτετε или σκύφτετε сама по себе исторически необоснована, не говоря уже о том, что и необходимость этой замены ничем не подкреплена и не оправдана.

Говоря о лингвистических поправках С. Ксантуридидиса, нельзя не обратить внимания на один важный, по нашему мнению, момент, которого он не касается. В тексте отсутствуют такие характерные критские формы, как τσῆ в м. τῆς — род. падеж. ж. р., ед. числа, τσοί (τσί) вместо τοὺς винит. падеж мн. числа и ряд других форм, которыми изобилуют критские тексты („Эротокрит“, поэмы С. Сахликиса и т. д.).

Серьезное возражение вызывает смысловая интерпретация стихов 384—388, выдвинутая С. Ксантуридидисом в доказательство критского происхождения „Рассказа о четвероногих“.

Эти стихи обращают на себя особое внимание, ибо в них заключена сатира на католическую церковь и ее священнослужителей. Восхваляя свои достоинства, Свинья не без сарказма замечает:

„... франкские священнослужители при водосвятии
моими волосами кропят всех святой водой“

Комментируя эти стихи, С. Ксантуидис обращает внимание на разницу в совершении церковного обряда окропления в православной и католической церквях: у греков окропление производилось побегом душистого растения, обычно базилика, у франков — свиной щетиной. По мнению С. Ксантуидиса, знание подробностей обряда католической церкви свидетельствует о том, что автор жил в местности, находившейся под властью „латинян“. Но этот вывод подрывается хотя бы тем соображением, что ознакомиться с ритуалом католической церкви можно было и в местности, свободной от франкского владычества.

Как известно, на территории Византийской империи было расположено немало католических церквей, появившихся здесь, главным образом, со времени крестовых походов. Греки имели возможность наблюдать церковную службу в таких церквях, и поэтому знание ими католических церковных обрядов вряд ли вообще может вызывать удивление.

Нам представляется, что преимущественный интерес при исследовании этого вопроса заключается не в выяснении местожительства автора „Рассказа“, — в этом отношении указанные стихи ничего не дают, — а в выявлении причин, вызвавших сатиру на католическую церковь. Причины эти легко найти и не обращаясь к истории тех местностей, где господствовали франкские сеньоры, — их можно отыскать и на „византийской почве“.

Одна из причин, вызвавших появление сатиры на католическую церковь, кроется, как нам кажется, в отрицательном отношении греков к западной церкви, которое, разумеется, имело свои основания. Как известно, в период завоевания Византии крестоносцами папство, преследуя свои цели (создание универсальной теократической монархии, одним из этапов которого должно было служить подчинение греческих областей и т. д.), стремилось добиться унии католической и православной церквей. Однако осуществление унии оказалось сложной проблемой. С одной стороны, против объединения греческой и католической церквей выступили различные слои греческого населения, в частности, духовенство сперва Латинской империи, затем „восстановленной“ Византии. При Михаиле VIII, например, „когда папа послал своего легата, народ отказался повиноваться императору в вопросах веры и богослужения; начались раздоры, преследования; Михаилу до самой смерти (он умер в 1282) приходилось вести со своими подданными более упорную борьбу, чем с турками“¹. С другой стороны, римским папам, старавшимся осуществить унию и видевшим за организационным подчинением православной церкви католической светский протекторат Рима над Константинополем, чинили всяческие препятствия западноевропейские государи, не желавшие усиления светской власти папы. В XIII в. уния не была достигнута.

В XIV в. религиозные вопросы столь тесно сплелись с вопросами политического характера, что разрешение их стало делом большой государственной важности. Ухудшение внешнеполитического положения империи, грозная турецкая опасность вынуждает византийских императоров обратиться за помощью на Запад: именно поэтому Иоанн V в 1369 г. в надежде на военную поддержку со стороны папы соглашается признать первенство римской церкви над всеми церквями мира и высший авторитет римского епископа. Однако „Иоанн не добился от папы ничего, кроме рекомендательных писем“².

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 172.

² Там же, стр. 177.

Вторую причину, обусловившую возникновение сатиры на католическую церковь, следует искать, вероятнее всего, в сфере взаимоотношений византийской империи с итальянскими торговыми республиками. С 1204 г. их флоты господствовали в Черном, Ионическом и Эгейском морях. С конца XIII в. средиземноморская и черноморская торговля перешла в руки Генуи и Венеции, — этим был нанесен большой урон и экономике Византии и ее фиску, ибо внешняя торговля была существенным источником государственных доходов империи. Во времена Палеологов Византия попала в финансовую и экономическую зависимость от итальянских республик, и это, естественно, не могло не вызвать еще более враждебного отношения греков ко всему, что было связано с именем венецианцев и генуэзцев, а также и с католической церковью, адептами которой они являлись.

Отводя доводы С. Ксантудидиса относительно критского происхождения басни, мы склонны думать, что „Рассказ о четвероногих“ имеет византийское происхождение.

Следует заметить, кстати, что утверждение С. Ксантудидиса о критском происхождении „Рассказа“ несколько колеблется его же собственной интерпретацией стихов 9—10. Из этих стихов¹, как замечает С. Ксантудидис, ясно, что стихотворец говорит о собственно византийском государстве, которое, подвергаясь непрерывным нападениям врагов, спасается благодаря справедливости бога. Эта мысль неожиданно подкрепляется и усиливается самим Ксантудидисом: в стихе 10 он предлагает заменить слово εὐχὴν — „благословение“ словом ἰσχύον — „влияние“, „могущество“. В этом случае изменяется смысл стиха: бог, являясь справедливым судьей, дает благочестивым и справедливым людям могущество. Стало быть, дело не в благословении бога, а в могуществе, даруемом им государству. При предложенном С. Ксантудидисом чтении выходит, что стихотворец говорит о могуществе и силе византийского государства, словно он сам является его подданным. Это весьма смущает С. Ксантудидиса, который пытается объяснить возникшее затруднение следующим образом: критяне продолжали чувствовать себя подданными византийской империи, хотя уже полтора века назад перешли под владычество Венеции. Не считая вообще метод доказательств, приводимых С. Ксантудидисом в пользу критского происхождения „Рассказа“, убедительным, мы, естественно, тем более не можем принять подобного объяснения в качестве сколько-нибудь удовлетворительного.

Нам кажется также, что в произведении, в котором нашел отражение ряд моментов социальной и политической жизни эпохи, должен был быть (в том случае, если оно действительно возникло на Крите, находившемся в то время под властью Венеции) как-то отмечен факт иноземного господства. Между тем, мы не находим здесь ничего, что бы говорило о конфликтах между народами, упоминание о которых можно встретить, например, в другой византийской басне того же времени — „Рассказе о птицах“; тем более нет оснований говорить о конфликте между покоренным народом и завоевателями. Вряд ли автор „Рассказа о четвероногих“, сатирического по своему характеру, мог бы обойти молчанием коллизии такого рода, если бы таковые имели место. Суть дела в том, что очевидно наш литературный памятник возник в местности, свободной от власти чужестранцев, т. е. на территории Византии, а не Крита.

¹ Они приведены в самом начале настоящей статьи, см. выше, стр. 183.